

О ПСИХОЛОГОКРАТИИ¹

А.И. СОСЛАНД*

В работе предпринята попытка заново осмыслить место психологии в пространстве современного общества и в научном мире. Автором вводятся в обиход новые концепты, такие, как «потестарная емкость науки», «пси-культура». Рассматриваются отношения психологии с другими сферами практики, в частности, с педагогикой и медициной. Обсуждаются стратегии усиления влияния психологической науки и практики в современном мире.

Буря и натиск

Всем ясно, что мы живем в эпоху постоянно растущего, лавинообразного расширения сферы действия психологических практик. Мы являемся свидетелями процесса интенсивного наращивания присутствия психологии в современном мире. Это присутствие растет в самых разных измерениях. Психология, подобно некоему глобальному флюиду, проникает в различные экзистенциальные сферы, продвигаясь по различным каналам, – виртуальным, медийным, но, конечно, и так называемым реальным. Мы являемся свидетелями огромного роста интереса к профессии, что можно заметить по интенсивному увеличению количества образовательных учреждений в этой области, открытию множества новых факультетов. Потребность в «психологическом» сформировала могучую «психоиндустрию». Социологам и экономистам предстоит подсчитать огромный оборот человеческих ресурсов, денежных средств, проходящих через тренинговые и психотерапевтические проекты, обучающие программы и проч. Мы же ограничимся здесь констатацией того, в чем можно убедиться невооруженным глазом, – очевидного роста интереса к этой сфере науки и практики.

¹ Не путать с «психократией» – понятием из «Философии общего дела» Н. Федорова.

* *Сосланд Александр Иосифович* – канд. психол. наук, доцент ф-та ПК МГППУ, ст. науч. сотрудник ин-та «Русская антропологическая школа» при РГГУ.

Потестарная емкость науки

Поле науки и научной политики представляет собой пространство состязания. Неизбежность борьбы за присутствие, влияние, средства, с помощью которых все это может стать достижимым, особенно остро стала осознаваться в последнее время. Необходимо, как это ни сложно, различать, что именно на этой сцене относится преимущественно к научному дискурсу, а что – к властному. Именно данное соображение привело нас к тому, чтобы ввести в оборот пару концептов и обсудить ряд обстоятельств, с ними связанных. Здесь нам придется рассматривать научные дисциплины и практики, имеющие к ним отношение, в предельно общем виде, что, конечно, неизбежно влечет за собой ряд неточностей, которые, однако, не должны заслонять общей картины сущностных отношений научной и властной сферы.

Потестарная емкость (potestas (лат.) – власть) – концепт, который мы попытаемся ввести в оборот в этой публикации, – мыслится нами как сумма возможностей влияния на власть, складывающаяся в рамках определенной практики, парадигмы, науки. Потестарная емкость, по нашему замыслу, может быть так или иначе продумана применительно к каждой научной дисциплине, научной теории и т.д. Мы исходим из того, что потестарная емкость встроена в элементы научного неизбежным образом. Любое открытие, даже любой научный текст, не говоря уже о более значительных событиях в этой сфере, неизбежно меняют властные соотношения как внутри научного пространства, так и вне него. Научная сцена и, внешняя по отношению к ней, сцена мировых властных сил должны рассматриваться как нечто целое, импульсы влияния направлены туда и обратно.

Сегодняшнее, постфукианское, понимание власти представляет ее как нечто тотальное, встроенное во все мыслимые экзистенциальные локусы. Властными отношениями нашпигован любой знак, жест, любая интеракция. Власть, в сущности, – феномен многомерный, разномасштабный, неоднородный, состоящий из множества звеньев. На каждое из звеньев может быть оказано то или иное воздействие. Власть может быть рассмотрена и как некая инстанция, и как некое влечение; причем, потестарная емкость имеет отношение к обоим этим значениям. Речь может идти здесь также о менее масштабном властном влиянии – внутри научного сообщества, или же о влиянии на иные сферы знания и практики. Мы можем иметь в виду власть, так сказать, высшую, общественную, политическую, государственную и пр.

Гуманитарные науки имеют к властному дискурсу самое непосредственное отношение. Они могут по-разному использоваться властью, са-

мостоятельно при этом формируя свои потестарные локусы. Власть немислима без идеологии и ценностей, без нарративов, ее обеспечивающих, а все это есть предмет исследования и производства в системе гуманитарного знания. Ценности, их репрезентации, прагматика обхождения с ними – все это относится к гуманитарной сфере, что и определяет ее потестарные преимущества.

Точки монтажа политического и научного зависят от уровня развития отдельной науки, ее возможностей влиять на общее благосостояние, а также разнообразной деятельности по продвижению себя в обществе. Уровень присутствия в социальном пространстве, степень влияния, деньги определяются в значительной степени именно потестарной емкостью.

Потестарная емкость *политологии*, например, весьма велика, ибо власть (как инстанция) является ее заказчиком и предметом исследования в одном лице. Политолог может интенсивно влиять на властную вершину, как обслуживая ее, так и критикуя. В этом смысле, она неизбежно осуждена на постоянное конъюнктурное редактирование. Ученый здесь находится в зоне особого риска проституирования себя.

Социология в этом смысле ушла недалеко. Наука об обществе, об общественном мнении, как ничто другое, вооружает своего заказчика и потребителя знаниями о том, с чем ему предстоит совладать. Она имеет большой «проникающий» потенциал, ибо может исследовать любой тип сообщества.

XX век явил нам, к примеру, картину исключительного роста потестарной емкости *филологических наук*, в особенности *лингвистики*. Философия языка осуществила огромную экспансию в пространстве философских наук, потеснив много востребованных учений, в первую очередь, экзистенциализм. Она интенсивно захватывает в настоящее время также и психологическое пространство, психотерапевтическое, в частности. Это происходит в рамках концепций нарративной психологии и психотерапии, социального конструктивизма, лакановского психоанализа. *Слово, текст* находятся в сердцевине любой гуманитарной деятельности и благодаря этому потестарный потенциал наук о языке, несомненно, велик.

Машины влияния

Наука «добирается» до власти разными путями, прямыми и косвенными. Потестарная емкость науки может быть реализована разными способами.

Потестарная емкость отдельно взятой научной дисциплины неизбежно опирается на ее конфигурацию. В этом случае в расчет должны браться такие соображения, как социальная значимость и репрезентация, удельный

объем фундаментального и прикладного, степень участия в решении глобальных проблем мироустройства. Важным будет здесь соотношение вложений и результатов и многое другое. Гуманитарные науки существенно уступают в этой области точным и естественным. Если гуманитарные науки могут добираться до вершины общественного влияния прямым, непосредственным путем, точные и естественные достигают ее путем косвенным, опосредованным, но во многом более сильным. Они определяют экономическое процветание и военную мощь страны, они «кормят и одевают».

Естественные науки во все времена занимали сильное положение, особенно их физико-математический сектор, ибо они обеспечивают обороноспособность, гонку вооружений и проч. Серьезное место в раскладе влияния может обеспечить себе и *математика*, осуществляя обсчет экономических процессов, обеспечивая научные основы всех технологий мирного и военного характера.

Сильный потестарный прорыв на наших глазах осуществляет *климатология*. Умело шантажируя общественное мнение катастрофическими последствиями глобального потепления, загрязнения атмосферы и т.д. и т.п., климатологи приковали к себе солидный объем общественного внимания. Здесь мы имеем достойный пример для подражания: алармизм в PR-политике отдельных наук – весьма выгодный ход. Алармизм, к сожалению, имеет свои границы – необходимо иметь доступ к обстоятельствам, непосредственно влияющим на инстинкт самосохранения. Лучше всего в этом смысле – игра с предельными ставками, то есть ориентированная на предсказание конца света ².

Шутки ради, ориентируясь на современные отечественные реалии, вспомним о *нефтехимии* и *геологии*. Обе, обслуживая область, дающую существенную часть национального дохода, приближают своих представителей к власти, ибо из их круга рекрутируются лидеры в сверхприбыльной области национальной экономики. Примеры работы научных «машин влияния» можно продолжить и далее, но главное здесь ясно: близость к властной сфере определяется, не в последнюю очередь, возможностью ликвидировать разного рода угрозы благосостоянию и самой жизни человека.

Психология как машина влияния

Эта машина обладает явно недооцененной мощностью. Психологический локус помещается в пространстве между человеком и, скажем так,

² Здесь можно говорить об особой привлекательности апокалиптического дискурса, чему мы посвятили отдельное исследование (*Сосланд, 2000*).

«всем остальным». Отношением человека с орудиями занимается инженерная психология, отношениями врача и пациента – медицинская и так далее. Психология, как ничто другое, может выступать в роли интегрирующей инстанции по отношению ко всем остальным сферам деятельности. Она оказывается встроенной в любой контекст как важная вспомогательная деятельность, а порой и решающий прагматический элемент. Описывая отношения человека с любым объектом его деятельности, она обладает универсализмом, который превосходит универсализм любой другой сферы деятельности.

Кроме того, психология имеет в своем арсенале исключительные прагматические возможности влияния, применимые во всех экзистенциальных сферах. Ничего подобного нет в репертуаре никакой другой гуманитарной науки или практики. Психологическое может монтироваться с любым видом деятельности и коммуникации, влияя на эту деятельность и коммуникацию радикальным образом, усиливая или искажая, влияя и на ее репрезентацию и на содержание, оказывая на ее результат решающее воздействие.

В сущности, не может быть сферы деятельности, в которую психология не могла бы внедриться, причем так, чтобы завоевать там важное и серьезное для себя место. Необходима, надо полагать, инвентаризация тех экзистенциальных сфер, где психология не сформировала пока сильных для себя позиций, с тем, чтобы в итоге эти позиции создать.

«Старшие сестры»

Такие социальные практики, как, например, *медицина и образование*, традиционно имеют намного больший общественный вес, чем психология, в силу понятных причин. Они прошли значительно более внушительный исторический путь. Психология как университетская дисциплина, а, тем более, как отдельное направление практической работы или даже как часть народного хозяйства (индустрии услуг) – несравненно моложе, чем обе ее «старшие сестры». По целому ряду позиций психология не эмансипировалась от них полностью до сих пор.

Главное преимущество упомянутых социальных практик – высокая экзистенциальная значимость сфер их ответственности. Здоровье, находящиеся в ведении медицины, и воспитание будущих поколений, отданное в руки педагогов, – это важнейшие факторы, непосредственно определяющие само обстоятельство выживания человечества. Пренебрежение ими создает сильный повод для злоупотребления алармистским и апокалиптическим дискурсом (см. выше). Естественно, что традиционно – и это вполне справедливо – обе «уважаемых дамы» находятся в центре

заботы общества, которое испокон веков «накачивает» сферы этическим пафосом и денежными средствами, знаками отличия и статусными признаками. Многовековая инвестиционная активность в этих сферах определяет их отнюдь не мелкое положение в социальном пространстве.

Психология по своему общественному весу пока не может с ними тягаться. В отличие от них (особенно от медицины), она не имеет статуса дела, остро необходимого для выживания человечества, *conditio sine qua non* культуры. Обосновывать свою серьезную экзистенциальную значимость, обзаводиться статусом «необходимого дела» ей еще только предстоит. Первые доводы, однако, уже очевидны: она является важной частью как медицины, так и педагогики.

Психолог как функционер человечества

«Функционер человечества» – именно так определял сущность деятельности философа Э. Гуссерль (*Свасьян*, 1987, с. 86). Сегодня ясно, что к деятельности психолога это определение применимо в еще большей степени. Благодаря многогранной применимости психологии общество может делегировать ей разнообразные и важные организующие, управляющие, посреднические, регулирующие, терапевтические и многие другие функции. Множество форм житейской или профессиональной деятельности можно «по факту» расценивать как психологические или тесно с ними связанные. Психология, в сущности, начинается там, где встречаются два человека. Инвентаризация стихийной психологической деятельности позволит психологическому сообществу нащупать локусы прорывов и роста.

У психологии силен именно ее междисциплинарный потенциал. Она так или иначе монтируется, с одной стороны, с гуманитарными дисциплинами – философией, филологией, культурологией и пр., с другой – с социальными практиками.

Интересно сравнительное отношение *психологии* и *философии* к политическим социальным практикам. Положение философии в общественном пространстве весьма неоднозначно. Философия всегда была занята преимущественно «Большими проектами» и в силу этого обладала, несомненно, большой потестарной емкостью. Не надо забывать, что два самых одиозных общественных переворота Новейшего времени – Великая Французская и Великая Октябрьская революции – были легитимированы философским дискурсом. Философы, в первом случае – просветители, во втором – марксисты (по меньшей мере, их непосредственные ученики), возглавили эти революционные движения. Если очень грубо и приближительно сравнивать обе научные сферы, то получается так, что, в

отличие от «крупнопроектной» философии, психология выступает в роли «проповеди малых дел» и ее обоснования.

Философия заметно уступает психологии в том, что касается прагматики. Философ может поставить «диагноз», может уловить некоторые важные тенденции и закономерности, но предписать, что и как делать, чаще всего – вне поля компетенции философского знания. Новейшая эволюция философии, превращающая ее, в сущности, в историю философии и замыкающая на себе самой, неизбежно ведет к снижению интереса по отношению к этой науке как к сфере властных возможностей. Кроме того, современные критерии легитимности научного знания требуют предельной доказательности, и здесь уже психология «побеждает» философию с явным преимуществом.

Сопrotивление психологии

Однако в образе психологической науки, равно как и практики, помимо привлекательного, есть и нечто, рискуя сказать, отталкивающее. Психологическое вмешательство в самые разные жизненные ситуации может наталкиваться на возможное неприятие. Факторы неприятия разделяются на универсальные и ситуативные. Неплохо было бы разобраться в том, что именно в самой природе психологии делает ее в каких-то случаях отталкивающей.

З.Фрейд, как известно, пытался представить дело так, что сам по себе феномен сопротивления разоблачает клиента, но не аналитика. Сопrotивление психологическому анализу в любом виде, как нам представляется, связано с «пенетративной», проникающей вглубь, природой психологической практики. Это связано с такими сущностными чертами психологической исследовательской деятельности, как поиск скрытых детерминант и закономерностей психики и поведения, что выглядит как безусловное покушение на независимый, приватный, уникальный статус личности. Хорошо ли, плохо ли, но этот статус, несомненно, является предметом вожделения в современной культуре. Поставить его под сомнение невозможно именно в силу культурных стереотипов. Психология, точнее, ее образ, как некоей специфической деятельности, выступает в качестве реального или возможного орудия манипулирования.

В сущности, мы находим в обществе два вида власти. Первый выступает в форме прямого насилия. Этот вид власти обеспечен всей репрессивной мощью государственной машины и проявляется в системе предписаний и запретов, правил и наказаний, которые присутствуют, так или иначе, в любом социальном конструкте. Мы находимся в сфере действия такого насилия даже в том случае, если этого не осознаем. Второй вид

власти – это, скажем так, «психология» ненасильственного подчинения, иначе говоря, манипуляция, формирование такого ненасильственного подчинения. Разумеется, оба вида влияния всячески пересекаются и по-разному монтируются друг с другом.

Пси-культура

Нам представляется важным ввести здесь в оборот целый концептуальный «агрегат», без которого разговор о психологическом знании в целом был бы неполным. По нашему замыслу, такой конструкт создает новую возможность разговора о психологии не просто как о единой сфере знания и практики, но и о том, что выводит ее за эти границы, позволяя ей стать *частью общего культурного контекста*.

Пси-культуру можно представить как некий конгломерат, в котором переплетены академическая психология, психотерапевтические, психокоррекционные и тренинговые практики, а также клиническая психиатрия. Все эти составные части пси-культуры давно и прочно переплетены с разными аспектами культуры. Здесь мы отмечаем точки монтажа и со всеми родами искусства, с мифологией и религией. Рамки сугубо научного контекста обедняют сферу психологического, они, безусловно, тесны для него. Адекватный формат здесь – большое культурное пространство.

Пси-культуру можно помыслить и как большой спектр с различными локусами, отличающимися друг от друга по таким факторам, как легитимность, научная проработанность. Здесь на одном полюсе находятся академические исследовательские практики, связанные с математической обработкой результатов и их экспериментальной воспроизводимостью. Однако практики подобного типа составляют лишь весьма незначительную часть спектра пси-культуры. Далекое не все в ней доступно для экспериментальной верификации. Психотерапия, составляющая ее значительную часть, находится большей частью в пространстве понимающей психологии и занимает, скажем так, центральную область спектра пси-культуры. И другой спектральный полюс – практики, граничащие с оккультными, традиционно-ритуальными сферами. Весь этот спектр, разумеется, более или менее четко различим внутри профессионального психологического сообщества. Со стороны он воспринимается как нечто плохо дифференцируемое. Пси-культура имеет еще один важный аспект – она формирует *репрезентативный образ психологии* в глазах непрофессионала.

Образ «психического», а также образ «психологического» в культуре может быть и привлекательным, и отталкивающим. Привлекательное здесь формируется в логике «возвышенного». Психолог имеет дело с «немате-

риальными» сущностями, образ «психического» предстает перед внутренним взором, как нечто эфирное.

Если мы говорим о пси-культуре, то следует разобраться и с соответствующим ей культурным персонажем. Пси-персонаж (психиатр, психолог, психоаналитик) чаще всего встречается в искусстве в контексте терапевтической работы. В развитых пси-державах, психолог – популярный герой кинематографа, романа, ток-шоу. Вокруг него сложились определенные кинематографические стереотипы (например, «безумный психиатр»). Надо сказать, что вне-профессиональный резонанс деятельности академического университетского психолога – существенно ниже, чем у психотерапевта, психиатра, психоаналитика. Соответственно, относительно невысок и уровень его культурной репрезентации. Это обстоятельство нуждается в серьезной корректировке.

Итак, пси-персонаж – культурный герой, имеющий вполне достойный уровень признания. Он может рассматриваться как некая сюжетообразующая функция, располагая в этом качестве множеством интересных возможностей. Он может выступать как в позитивной, так и негативной роли. Когда он служит орудием общества по созданию неких рамок, то предстает как проводник репрессивной социальной политики по отношению к личности. «Хороший» пси-персонаж, напротив, осуществляет либеральные, попустительские стратегии.

В культуре давно сложился и особый образ «безумия», не имеющий часто ничего общего с психиатрической реальностью. Клиническая психопатология и «безумие» как феномен культуры зачастую репрезентируют безумие с радикально противоположных позиций. Для практикующего психиатра речь идет о серьезной болезни, с которой надо бороться, для художника – безумие нередко выступает как условие творческого вдохновения (*Сосланд, 2005; Руднев, 2005; 2006*).

Психологическое (и психиатрическое) искусствоведение тоже является важной частью пси-культуры. Со времен Ч. Ломброзо накопился огромный массив литературы, ориентированной на интерпретацию творений искусства и связи этих творений с биографиями их создателей. Пси-дискурс давно вошел в рутинный культурный обиход, вне которого анализ любых культурных феноменов в любом случае не полон. Концепт пси-культуры нуждается, конечно, в дальнейшем развитии и проработке, но нужда в нем, как мы полагаем, несомненна.

Мифологизация психологического

Сфера психологии легко поддается мифологизации по вполне понятным причинам. В качестве всем известного, банального соображения

можно привести хотя бы то, что психика открыта действию множества различных факторов одновременно, которые плохо поддаются эффективному учету, даже в условиях применения самых современных исследовательских технологий. Сложный многофакторный механизм психики особенно осложняет исследование ряда «интересных» сфер и проблем, в частности таких, как эффективность психотерапии. Как нам уже доводилось отмечать, лишь довольно небольшой объем психотерапевтического дискурса обеспечен экспериментальными исследованиями (Сосланд, 2006).

Зачастую «психологическое» ориентировано на привлекательность иррационального. Диффамация рациональности, рациофобия (Сосланд, 2007) включена в идеологические построения многих направлений психотерапии, например, экзистенциально-антропологического направления, юнгианской аналитической психологии, гештальттерапии. Другие, весьма многочисленные, близкие трансперсональной традиции, терапевтические или тренинговые практики строятся на смещении психологического научного дискурса и оккультно-мистического. Эти обстоятельства формируют особый образ психологии среди непрофессионалов и в известной степени затрудняют обретение психотерапией научного статуса и реноме «строгой науки».

В отдельных психологических практиках мы сталкиваемся с феноменом, который можно было бы обозначить как *«апелляция к народу»*. Речь идет об обращении к общественному мнению через головы профессионального сообщества. Сюжет подобной апелляции таков: благодаря открытиям некоего пси-персонажа стали возможны новые терапевтические или какие-либо иные возможности. Однако косные, консервативные и исполненные чувства зависти коллеги не дают хода новым революционным идеям или пытаются «очернить» новый высокоэффективный метод. Собственно, элементы такого поведения отмечались уже у З. Фрейда. Мифотворческая работа в этом духе, как правило, преследует прагматически хорошо выверенную цель.

Другой сильный пример того, как легко психологическое обрастает мифологией, – история с так называемым психотронным оружием. Несмотря на многочисленные, вполне научно фундированные доводы против действенности такого вида «вооружений», энтузиазм в этой сфере не ослабевает. На мой взгляд, это связано с весьма существенной чертой образа психологии в коммуникативном, в частности медийном, пространстве – элементами особого всемогущества. Претензии на *«омnipotentное»* могут быть привязаны к гносеологической сфере – тут мы имеем дело с мифологией ясновидения, а также к сфере воздействия на Другого, и тут мы сталкиваемся с мифологией манипуляции.

Терапевтические практики являются объектом интенсивного внедрения оккультного и легко впитывают в себя все omnipotently-мифологическое, в виду высокого уровня ожиданий в данной сфере. Терапевт имеет дело с коренной по отношению ко всем остальным потребностью в здоровье, которая, как ассигнация – золотом, обеспечена страхом смерти. Страхи и экспектации здесь очень велики и, в силу этого, легко проецируются на фигуру терапевта. Как следствие, он наделяется завышенной терапевтической потентностью.

Индикатор возможностей влияния I: психолог в СМИ

Медийный образ психолога, его постоянное присутствие в СМИ в последнее время стали привычным делом. Количество теле- и радиопередач с участием психологов и психотерапевтов, а также гляцевых печатных изданий по психологии растет, как на дрожжах. Психолог выступает сверх-экспертом по самым разным поводам. Конечно, именно он, а не врач, филолог, философ, педагог (мы взяли наугад несколько профессий «смежников»), оказывается ближе всех, так сказать, «к жизни». Все, что касается межличностных отношений, конфликтных ситуаций, отдаю ему на откуп.

«Народность», назовем это так, психологии, иначе говоря, потенциальный интерес к ее популярным формам, превосходит «народность» других гуманитарных дисциплин. Психология в наибольшей степени поддается переводу на язык обыденных представлений и житейской терминологии, и в этом качестве оказывается исключительно востребованной. Психолог в массовом сознании все больше завоевывает себе статус «учителя жизни», все больше занимает нишу «властителя дум», обставляя здесь, как уже было сказано, философа.

Индикатор возможностей влияния II: среди друзей

Здесь хотелось бы поделиться частью своего житейского опыта, впрочем, многое в этом роде мне приходилось слышать и от моих коллег. Оказываясь где-нибудь в ситуации будничной коммуникации, допустим, в дружеской компании, в гостях, ты становишься объектом внимания именно как эксперт по решению так называемых личных вопросов. К тебе «как к психологу» обращаются по любому поводу, связанному со спорной ситуацией, неважно в семейной или профессиональной сфере, и жадно ждут компетентного экспертного заключения или эффективно совета. Особенно настойчиво домогаются диагнозов по любым пово-

дам, чаще всего, проявляя при этом интерес к общим знакомым, публичным фигурам или крупным историческим персонажам. Порой обижаются, в ответ на отказы проконсультировать «здесь и сейчас» и вполне естественное предложение записаться на консультацию. Всем этим неприятностям мы обязаны, разумеется, все той же околонучной мифологии, житейским представлениям о некоем особом роде «ясновидения» и «мощи» психологического воздействия, а также и тех, кто всем этим занимается. Но жаловаться здесь было бы нечестно, ибо, не в последнюю очередь благодаря этой мифологии, мы и выбрали данную сферу деятельности.

Индикатор возможностей влияния III: психолог в экстремальной ситуации

Другой современный контекст, формирующий как общественный статус практической психологии, так и медийный (в наши дни засилья СМИ медийный образ – это, в сущности, «народный»), – это чрезвычайные ситуации, сфера деятельности МЧС. Любой репортаж о чрезвычайной ситуации – теракт с массовыми жертвами, природный катаклизм – непременно включает в себя сюжет о психологической работе с потерпевшими. Это пример того, как психология выступает некоей формой ответа на экзистенциальные проблемы. Порой она выглядит панацеей, призванной решать самые разные проблемы и этим поддерживать «омnipотентную» сторону своего образа, существующего в массовом сознании.

Пространство экспансии – судебно-психиатрическая экспертиза.

Кажется само собой разумеющимся обстоятельство, что экспертиза «вменяемости» тех, кто подозревается в серьезных уголовных преступлениях, осуществляется медиками (заключение психолога в этих случаях носит, чаще всего, вспомогательный характер). Однако часто дело обстоит так, что один и тот же диагноз приводит к различным судебным последствиям.

Зачастую из СМИ мы с чувством недоумения узнаем о том, как на основании заключений экспертов-психиатров суды оправдывают преступников, казалось бы, вполне вменяемых и, более того, очевидно опасных и даже особо изощренных. Не раз дело обстояло так, что освобожденный от наказания преступник, выйдя на свободу, совершал новые преступления. Психиатрическая экспертиза нередко компрометирует себя, и происходит это не в последнюю очередь из-за низкого удельного веса психологии в данном виде деятельности.

Все это заставляет сделать вывод, что психологическая экспертиза внутри психиатрической должна занимать намного больший объем. Вопрос о вменяемости решает далеко не только диагноз, а такие факторы, как структура личности или «сила Я», включающая болезнь тоже. На самом деле, решающим индикатором состояния и предикции должна быть не только клиническая беседа, дело, как известно, весьма субъективное, а объективные, валидизированные психологические инструменты. Иначе говоря, необходимо радикальное наращивание присутствия психолога в этой сфере, равно как и во многих других.

Опыт побед: ситуация с психотерапией

Изначально, как мы хорошо знаем, психотерапия была медицинской специальностью, но к концу прошлого века психологи во всем мире очень сильно потеснили медиков на этом поле. По положению, принятому в Европе, психотерапевт – отдельная специальность, приобретаемая в рамках второго высшего образования. Диплом психолога или врача – лишь допуск для получения психотерапевтического образования. Ясно, что, поставленные в рамки равного и честного соперничества, психологи приобретают очевидное преимущество. Базовое психологическое образование намного лучше готовит к психотерапевтической профессии, нежели базовое медицинское. К психотерапии имеют отношение практически все предметы, изучаемые на психологических факультетах. При этом из того, что преподают в медицинских институтах, отношение к психотерапии имеет абсолютно ничтожная часть образовательных дисциплин. Автор этих строк, медик по своему базовому образованию, ныне преподающий в психологических ВУЗах, имеет полное право на подобное суждение. Одно только сравнение перечня дисциплин в программе медицинского ВУЗа и факультета психологии приведет нас к ясным и однозначным выводам по этому вопросу.

Имеем ли мы то, что заслуживаем?

Постепенно скатываясь с эссеистического тона на публицистический, мы не можем не задаться таким вопросом, хотя бы в силу исконно провокационной, подстрекательской сущности публицистического жанра.

Итак, соответствует ли позиция психолога в научном и общественном пространстве «потестарной емкости» психологической науки и особенно – возможностям психологической практики? Публицистический жанр позволяет нам дать и единственный ответ: разумеется – нет! Психология в борьбе за умы и за влияние в обществе остается своего рода «теневым лидером». Она уступает таким явным любимцам истеблишмента,

как, например, искусство, религия, образование и медицина. Эти давно признанные, традиционно опекаемые государством сферы деятельности ни в малейшей степени не склонны уступать кому бы то ни было своих позиций.

Психология идет с ними как бы рука об руку, постоянно пересекаясь и в то же время, находясь в их тени. Она оказывается все время в положении прислуги. Психотерапевт в клинике подчинен врачу, школьный психолог соответственно – школьной администрации. Психология, надо сказать, не работает на себя самое, или, во всяком случае, делает это явно в недостаточных размерах.

Минпсих, как Мининдел

Если бы, в самом деле, для психологии создавалось министерство, то в обыденной речи оно обозначалось бы, скорее всего, именно так – *Минпсих*, что было бы общим поводом для шуток. Не открою большого секрета, если скажу, что этот вопрос часто возникает в «кулуарной» коммуникации, об этом говорят (не удивлюсь, если и пишут) многие. Заранее понятны неизбежные доводы против такого учреждения, вообще против бюрократической инстанции как таковой. Психолог, подобно любому интеллектуалу, отождествляет себя с идеальным типом производителя культурных ценностей. Наиболее интенсивно этот тип воплощен в образе художника. Идеология этого культурного героя традиционно противостоит любому официозно-бюрократическому контексту. Презрение ко всему «административному» – неотъемлемая часть в системе идеологических «жестов» интеллектуала.

Понятно, что все зависит от того, какие именно задачи поставила бы перед собой подобная структура. Одна из них – репрезентировать психологию как самостоятельную силу. Необходима политика, направленная на повышение статуса психологии в обществе. Другая – расширение влияния психологии, эмансипация от тех сфер деятельности, которые ее поглощают в течение долгого времени, о чем выше уже шла речь.

Наверняка не стоит централизовать исследовательские проекты и научную деятельность. Это все, как известно, и так чрезмерно регламентировано и отчаянно нуждается в свободе и децентрализации. «Министерство психологии» (или какой-нибудь Комитет по психологии при Совмине), скорее всего, следовало бы нагрузить функциями внешнего представительства. По отношению к профессиональному сообществу он выполнял бы функции, скорее, Министерства иностранных дел, отстаивая *интересы практической психологии* перед всеми остальными

сферами социальных практик, которые давно присвоили себе функции управления психологическими практиками. В первую очередь это относится к медицине и образованию. Отстаивая свои позиции в борьбе за влияние, психология, конечно, нуждается в инстанции высокого уровня, которая представляла бы ее интересы. В противном случае, она оказывается в неравноправном положении по отношению ко всем остальным практикам. Их интересы представлены крупными властными структурами, отражены в горах законов и подзаконных документов, в то время как психология в этом смысле совершенно голая и за нее некому заступиться.

Заступаться же придется неизбежно, когда настанут времена законодательного регулирования профессиональной деятельности. Последний пример из области «беззащитности» – московские положения о работе психологов под контролем врачей-психотерапевтов. Конечно, это распоряжение носит характер очевидно бессмысленный и крайне унижительный, и помочь здесь, к сожалению, некому. Безусловно, необходимо организационное отделение от педагогики и медицины. Разумеется, при этом непременно должна быть сохранена практическая и концептуальная связь с ними.

Серьезно и много говорят в последнее время о гуманитарной вообще и психологической, в частности, экспертизе законодательной деятельности. И на это тоже необходимо обратить внимание, как на фактор, который неизбежно повысит общественный статус психологии. После этого – чем черт не шутит – можно будет думать о специальных психологических изысканиях как основании для принятия политических решений. Ну, а дальше можно пофантазировать о возможностях законодательной инициативы Комитета по психологии при Совмине, если бы он существовал. Психолог имеет все возможности завоевать позицию ключевого эксперта в вопросах общественного устройства, общественного мнения и т.д. Кроме того, психология вполне может претендовать на роль современного производителя мировоззрения. О ее больших преимуществах перед традиционным разработчиком идеологии – философией – мы уже говорили выше.

Кривое зеркало

Каждая наука, помимо содержательной наполненности, обладает еще и неким *образом*. Этот образ складывается из иррациональных элементов, которые порождаются в процессе обращения в пространстве данной науки и профессионального сообщества. Образ науки у профессионала неизбежно будет отличаться от такового у дилетанта. В сознании диле-

танта он создается вне его собственного опыта, причем, важная роль в его создании принадлежит современным медиа. Психотерапия, без сомнения, лидирует по своему внепрофессиональному резонансу среди психодисциплин.

В общественном сознании, в том числе в сознании специалистов смежных профессий, распространены многочисленные предрассудки и заблуждения, связанные с психологией. Ее смешивают с оккультными практиками, ее считают отраслью медицины или даже просто придатком к ней. Различия между «психологом», «психотерапевтом» и «психоаналитиком» требуют постоянного разъяснения, как в беседе с клиентами, так даже и в коллегиальном кругу. Груз неясностей, двусмысленностей, противоречий, связанных с психотерапией, сегодня очень велик и почти не уменьшается. Наш опыт участия в радио- и телепередачах ясно свидетельствует в пользу того же.

Исправление состояния всего этого дела – чрезвычайно важная задача для всего профессионального сообщества. Существует много факторов, затемняющих образ психологии в целом, делающих его кричаще неадекватным. Это и относительная молодость психологии, и изобилие всякого рода наносных феноменов (как уже сказано, смешивание в общественном сознании с оккультными практиками). Разумеется, сначала необходима диагностика глубины и особенностей этих искажений. Здесь необходим большой исследовательский проект, цель которого – *определить образ всей сферы нашей деятельности и субъектов этой деятельности в глазах непрофессионалов.*

Результаты подобных исследований, соответственно, должны быть взяты в расчет при формировании стратегии по «коррекции» образа психолога и психологии в обществе. Собственно говоря, в структуру будущего «Минпсиха» должен еще будет войти и «Психпросвет», то есть PR-подразделение, ориентированное на «внешнее пространство». Здесь, например, можно поставить вопрос об освещении психологической практики и науки в СМИ, что до сих пор было отдано на откуп людям, мягко говоря, недостаточно компетентным. Классовый интерес журналиста резко отличается от классового интереса психолога. Журналист радикально заинтересован в сенсации, в некоем чуде, что неизбежно ведет к появлению в медиа-пространстве «ясновидящих» и «целителей». Выбор психологов для медийных целей зачастую ориентирован на соображения телевизионного рейтинга и за редкими исключениями, которые, к счастью, все же есть, носит случайный характер, формируя у непрофессионалов неадекватные представления о нашей деятельности.

Психологократия, как она есть

У автора этих строк идея и содержание данного текста вызвали вполне понятное внутреннее сопротивление и определенные сомнения. Научное самосознание отторгает все, что относится к «публицистике», уводящей в сторону от стиля научного дискурса. Именно это самосознание рисует нам публицистическое как суетное, «недостойное»³. Идея «Министерства психологии» в этом смысле смотрится особенно одиозно. Ученый, в силу своей профессиональной традиции, испытывает своего рода идиосинкразию ко всему бюрократическому.

Но главное соображение, которое послужило поводом к этой статье, заключается в том, что политическое в наши дни мощно наращивает свое присутствие в любом виде профессиональной деятельности. Не думаю, что мы могли бы где-нибудь встретить человека, чья научная деятельность или биография оказались бы как-то не затронуты сферой профессиональной политики (ну, разве что автора этих строк?). Игнорировать политические факторы становится все труднее. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: «Гони их в дверь, они войдут в окно».

Вернемся к психологократии. Что значит на самом деле слово, которым мы озаглавили наш текст?

Это – место психологии в социальном пространстве, соответствующее ее природе, возможностям и действительности. Это – степень влияния на научный мир, на смежные научные дискурсы, на самые разнообразные социальные практики. Это – удельный вес в принятии решений, влияющих на судьбы общества и культуры. Основательные размышления на эту тему неизбежно приводят нас к выводу, что так понятая психологократия осуществляется пока что ненадлежащим образом и в недостаточном объеме.

Психолог имеет все основания надеяться на то, что его положение в мире уже в ближайшем будущем существенно укрепитя. Все, о чем шла речь выше, ясно свидетельствует о хорошем прогнозе. Особая привлекательность психологического дискурса как такового не вызывает сомнений. Своеобразная экзистенциальная универсальность психологии делает ее повсеместно востребованной.

Мы отдаем себе отчет в том, что любой «заговор» по «захвату власти» начинается с апелляции по поводу несправедливого положения дел. Так что, первый шаг уже сделан. Никто не отдаст психологу того, что принадлежит ему по праву, если он не приложит специальных усилий к

³ Этой теме посвящены наши работы на тему «суета в культуре», где вводится в оборот концепт «антиванитатизм» – противосуетность (*Сосланд*, 2004).

тому, чтобы взять все это своими руками. Таким бодрым тезисом, очень напоминающим революционные лозунги, можно пока поставить точку в этом провокативном разговоре.

В надежде на его продолжение.

ЛИТЕРАТУРА

- Руднев В.П.* Истина, душевная болезнь и творчество. Московский психотерапевтический журнал, 2005, №2, с. 43-64.
- Руднев В.П.* Стратегии безумия. Московский психотерапевтический журнал, 2006, №1, с. 43-64, с.83-97.
- Свасьян К. А.* Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. – Ер.: Изд-во АН Арм.ССР, 1987, 199 с.
- Сосланд А. И.* Удовольствие от Апокалипсиса. *Логос*, 2000, № 3-4, с. 108-115.
- Сосланд А. И.* Антиванитатизм. Концепт системы аттрактив-анализа // Русская антропологическая школа. Труды, вып. 1. М.: РГГУ, 2004, с. 138-152.
- Сосланд А. И.* Счастье от безумия // Русская антропологическая школа. Труды, вып. 3. М.: РГГУ, 2005, с. 121 – 130.
- Сосланд А. И.* Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Том 3, № 1, с. 46–67.
- Сосланд А. И.* Наслаждение, текст и психотерапия // Труды по психологическому консультированию и психотерапии, М.: ПИРАО, МГППУ, 2007 (В печати).